

Джессика Честейн — открытие последних лет, хотя актриса постоянно работает с момента окончания в 2003 году престижной нью-йоркской школы драматического искусства Juilliard. В начале карьеры Джессика работала на телевидении в разных сериалах, потом немного в театре и только в 2008 году получила свою первую главную роль в небольшом независимом фильме «Джолин». В 2009 году рыжеволосая красавица как-то попала в поле зрения Терренса Малика, который снял ее в «Древе жизни». Пока трудно сказать, стал ли этот фильм поворотным в карьере актрисы, так как работает она довольно стабильно, без перерывов. За второстепенную роль в фильме «Прислуга» Джессика была выдвинута на «Золотой глобус» и «Оскар», а в нынешнем году удостоилась тех же номинаций, но уже как лучшая актриса, получив первую из упомянутых премий.

Мы впервые встретились с Джессикой Честейн на съемочной площадке фильма «Мама», где актриса играет роль Аннабель. Ее героиня — музыкант и вообще явно свободная личность, хотя и живет с бойфрендом, одержимым поиском своих маленьких племянниц. Вот с этого-то и начались перемены для Аннабель, в итоге приведшие девушку к переоценке ценностей и взрослению.

Джессика появилась для разговора с нами уже в гриме, будучи полностью готовой к съемкам. Как оказалось, она уже снялась в небольшом кусочке сцены и теперь ждала, когда на площадке сделают необходимые перестановки и приготовления для второй части этого эпизода. Джессика ошеломляет нас своим необычным видом. Короткая черная стрижка, жесткий, темный макияж — в ней появилось что-то мальчишеское, буйное. А по уже увиденным фильмам мы всегда представляли ее образцом элегантности. Однако улыбка актрисы исправляет впечатление — она женственная и мягкая.

— Джессика, ты веришь в привидений?

— Да, пожалуй, верю. У меня был даже случай с привидением, как мне кажется. Я была совсем маленькой девочкой и однажды проснулась в своей комнате от того, что кто-то или что-то держит меня за голову. Я лежала так какое-то время, совершенно окаменевшая от страха, а это что-то прижимало мою голову к подушке. Потом я закричала, позвала маму, но я точно помню ощущение того, что проснулась именно от прикосновения чьих-то ладоней к моей голове.

— Тебе нравятся страшилки?

— Да, очень. Иначе бы меня здесь не было! (*Смеется.*)

— Есть ли разница в том, как пугаются дети и что может испугать взрослого? В чем заключается природа страха, по-твоему?

— По-моему, нет разницы в том, что пугает ребенка и взрослого. Дети искренне верят в фантазию, выдумку. Я, во всяком случае, верила. (*Смеется.*) А сейчас это моя работа — верить в выдуманную реальность. Я не цинична и стараюсь просто жить в предложенных обстоятельствах. Я всегда точно знаю, что происходит вокруг меня. И, возможно, именно это отношение и заставляет меня испытывать необходимые для роли эмоции. Я испытала настоящий страх здесь, в Торонто, в самую первую ночь в квартире, которую снимаю на время съемок. Я была совсем одна, и мне чудились какие-то шорохи, шумы. Я не задумывалась над тем, что это может быть и откуда оно идет. Я просто боялась и не смогла заснуть. (

Смеется.

) Наверное, я постоянно нахожусь в такой эмоциональной напряженности и, пожалуй, подсознательно черпаю из этого вдохновение для данной картины. Я сразу настраиваюсь на ту волну, которую мне предлагает фильм, везде нахожу ту же атмосферу. Вот, например, вчера я посмотрела «Репортаж», про который Гильермо мне много говорил. Я ужасно боялась смотреть этот фильм, но сейчас у меня гостит подруга, и мы решились посмотреть вместе. Было ужасно страшно. (

Смеется.

) Я смотрела «Вторжение похитителей тел» с Дональдом Сазерлендом с той же целью — найти необходимую мне энергию. А вот для «Древа жизни» мне нужна была совсем другая энергия. (

Смеется.

)

— Чем привлек твое внимание этот проект?

— Я сначала прочитала сценарий, а потом встретила с Гильермо. Он многое мне объяснил, и я была очень заинтересована стилем актерской игры, требуемым от меня в этой роли, который заключается частично в не ослабевающей ни на минуту напряженности. Это было нечто новое, что я еще не пробовала. Потом я встретила с Энди и поняла, насколько этот парень умен и талантлив. Он не был просто нанятым режиссером. Это была его история, исключительно важная для него. Он сам в нее эмоционально вовлечен. К тому же мне очень понравилась короткометражка, которую он снял. Знаешь, я могу бегать по этому коридору (*показывает рукой на съемочную площадку с построенными там интерьерами*

) между детской и лестницей весь день, а это всего лишь крохотная часть сцены, которую надо снять, но мне нескучно. Для меня все это как занятие в школе актерской игры, и я стараюсь в каждом фильме воспринимать мою работу именно так. Для меня это непрекращающийся процесс узнавания чего-то нового в профессии, и мне хочется закончить каждую картину, где я занята, чуть лучшей актрисой, чем я была до того, как начала работать в проекте. А когда режиссер, другие актеры и вообще все разделяют такой подход к работе, то это просто везение, я считаю.

"Я люблю работать с детьми и животными"

— Расскажи, что для тебя значит работа с детьми, ведь этот фильм не первый, а у тебя уже есть опыт? Часто актеры говорят, что работать с детьми очень непросто.

— Я люблю работать с детьми и животными. (*Смеется.*) Я одна из тех, кому это нравится, потому что дети всегда действуют спонтанно. Ты не знаешь, чего от них можно ожидать в следующую минуту. Они непредсказуемы, и это замечательно, это держит меня в тонусе. В «Древе жизни» и «Укрытии» мне нужно было всего лишь установить доверительные отношения с детьми, подружиться с ними, и подготовка к работе с детьми в этих картинах заключалась только в том, чтобы провести с ними какое-то время. В «Маме» все иначе. Аннабель ничего не знает о детях, она понятия не имеет, как с ними себя вести. Мне Энди в самом начале предложил прорепетировать какие-то сцены с девочками, и я отказалась, потому что мне важно было сохранить это непонимание, незнание. Аннабель никогда не хотела быть мамой, она вообще никогда не хотела находиться рядом с детьми. Перспектива эта если не пугала ее, то раздражала точно. Она очень неохотно согласилась на то, чтобы принять на себя заботу о них. Мне не хотелось, чтобы девочки чувствовали себя рядом со мной удобно, чтобы у нас сложились бы какие-то дружеские отношения. Такие вещи делать непросто в атмосфере тесного сотрудничества, но Энди отлично понял, почему это для меня было важно. И девочки, как и все дети в этом возрасте, тоже почувствовали, что между нами должна быть дистанция, и они ее держали столько, сколько мне было нужно для начальных сцен фильма. Правда, бесконечно это продолжаться не могло. (*Смеется.*)

) Меган, которая играет Викторию, старшую девочку, — она очень милый ребенок, ужасно заботливая и предупредительная, с ней невозможно не подружиться. С изменением ситуации в фильме менялись и наши отношения на площадке. Я очень благодарна Энди за поддержку в этой ситуации. Он очень беспокоился за девочек вообще, как и все мы, конечно. Все-таки у них есть очень эмоционально сложные сцены.

— В этой картине ты совершенно не похожа на себя...

— О, я думаю, что так и должно быть. Это часть моей профессии — уметь меняться настолько, насколько это требуется для героя. Мне нравится узнавать разных людей, играть непохожих на меня героинь. В сценарии говорится, что Аннабель играет в панк-рок-группе, в ней все еще жив этот подростковый дух, бунтарский. Она одна из тех, кто не хочет взрослеть, обременять себя какой-то ответственностью, заводить семью, детей, превращаться в домохозяйку. Она, кстати, выглядит, как и многие из тех, кого я знала в среде музыкантов, когда была немного моложе. Энди познакомил меня с **Элис Уотерс**

(*Джессика не объяснила, о ком она говорила, а я не переспросила*

— Прим. автора), и внешний вид Аннабель во многом копирует ее стиль.

Мы просмотрели огромное количество фотографий и поначалу решили, что у Аннабель

должны быть короткие светлые волосы, но вспомнили, что у многих актрис, которых мы знаем по каким-то триллерам, тоже светлые волосы, и мы решили, что не будем повторяться. Аннабель должна быть ярче, привлекать взгляд. К тому же ее положение в рок-группе обязывает к несколько специфическому имиджу. (

Смеется.

) Мне нравится быть непохожей на себя, мне это не только не мешает, а помогает в работе. Надеюсь, что у меня будет много ролей, где я смогу выглядеть совершенно иначе, чем в жизни.

— Какие фильмы этого жанра по-настоящему тебя пугают?

— Я помню, что долгое время для меня самым страшным фильмом был «Изгоняющий дьявола». Мне было лет десять, когда я с мамой и сестрой впервые смотрела этот фильм. Я помню, что довольно быстро попросила маму выключить это! Но мама просто отправила меня наверх, на второй этаж, сказав, что они хотят досмотреть фильм. Я не пошла, но спряталась под одеяло на диване и слушала, сколько сил хватило, но потом все же решила, что пойду наверх. Но ты же знаешь, как часто в фильмах именно лестница, ведущая наверх, в темноту, пугает ребенка больше всего. И как это показывается! Для меня была страшной даже мысль пойти наверх одной, пока они смотрят кино. (*Смеется.*) Сейчас мне бывает интересно бояться и даже получать от этого удовольствие, но желательно в компании, не одной. Я смотрю такие фильмы чаще всего с друзьями. Меня не особенно привлекают картины, где много клише: звуки, музыка... Я люблю психологические ужастики, такие как «Невинность», например. Я люблю этот фильм.

— Ты ищешь роли, в которых есть какая-то особенность, эмоциональное напряжение?

— Я всегда в поиске персонажей, чьи характеры мне незнакомы. Я не хочу повторяться. Я хочу все время учиться. Мне интересно движение вперед и в глубь, хочу испытывать всякий раз что-то новое, прежде не испытанное, получить какой-то дополнительный опыт. Роль в «Маме», несомненно, одна из тех, что я никогда еще не пробовала. Мне самой ужасно любопытно, что из этого получится.